

Олег Афенченко

Мрочка

*Литературный
сборник*

Олег Афенченко

Ирочка

«Издательские решения»

Афенченко О. Г.

Ирочка / О. Г. Афенченко — «Издательские решения»,

Посвящается слушателям и поклонникам, читателям и почитателям писателя и философа Михаила Иосифовича Веллера, которые — надо полагать — с удовольствием прочтут в пьесе об ошибке Платона, о решении извечного «неразрешимого» философского вопроса: «Что было раньше: курица или яйцо» и другие интересные вещи.

Содержание

Об авторе	7
А	8
Предисловие	9
Введение	10
От автора	12
Стихи Сосо Джугашвили.	13
Луне	14
Поэту	15
Сократу	16
Саламури	17
Утро	18
Пахарю	19
Послесловие	20
Стихи разных лет	23
К С. К.	24
Зимнее настроение	25
Эпиграммы	26
Весеннее настроение	27
Ариозо	28
К...	29
«Любовь. И снова вопль терзаемой груди...»	30
Одиночество	31
Lorelei	32
На севере диком	33
М. Ё. Lermontov	34
I. W. Stalin	35
Внуку	36
Ода юбиляру	37
Урожай	38
На Днепре	39
К Матиссен	40
К В. Н.	41
Юбилейное	42
Сказки	44
Сказка	44
Начало	44
Что случилось	44
Чем всё закончилось	45
Сказка о розовой вершине	46
Сказка	48
Басня-сказка	51
СКАЗКА-БЫЛЬ	52
Рассказы	53
Большая шоколадка	53
Ирочка	55
Обезьяны	60

От легенды к реальности	61
Деревня Афоново	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ирочка
Литературный сборник
Олег Георгиевич Афенченко

© Олег Георгиевич Афенченко, 2015

Корректор Алексей Сергеевич Константинов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Об авторе

Афенченко Олег Георгиевич
(Род. В 1933 году, с. Кварели, Грузинской ССР,
инженер-механик, к. т. н.)

Окончил русскую школу СШ №2 (г. Павлоград, Днепропетровской обл.), МВТУ им. Н. Э. Баумана (г. Москва), философский факультет ВУМЛ (г. Загорск, Московской обл.), где занятия вели преподаватели МГУ, очную аспирантуру ГПИ им. А. А. Жданова (г. Горький) и далее всевозможные курсы, лектории как служебные, так и общественные.

Основная работа – инженер-конструктор по разработке новой техники на машиностроительных заводах и в НИИ того же (технического) профиля. Последнее место работы – ТАНТК им. Бериева (г. Таганрог), где разработал 16 механических узелков к системе управления гидросамолёта Бе-200.

К моему опыту литературной работы, помимо научных статей и авт. Свидетельств, относятся газетные публикации в «Таганрогской Правде» на самые разные темы.

Вообще же тяготение к писательству проявлялось ранее 5-ти лет, когда ещё не умея читать (читать, брать книжки в библиотеке и прочитывать их, начал в 5 лет), наносил на листках бумаги волнистые строчки. Надо думать, подражая маме-учительнице.

А

В сборнике, как в известной книге Алексея Константиновича Толстого и братьев Жемчужниковых, собраны самые разные жанры от стихов до скетчей, включая мысли и афоризмы а la Kosma Prutkoff. Несмотря на это, все они относятся к одному художественному методу (незаслуженно преданному, – «тихой сапой», – забвению), в основе которого – правдивое изображение жизни с определённым **идейным** (*прогрессивным*, а не модным сейчас *регрессивным*) **содержанием**.

Задачей сборника является отображение очень любопытных ещё никем пока всё ещё не понятых явлений и, в частности, совсем не оригинального, а заимствованного и вместе с тем странным образом никем не понятого способа делания (надо полагать, средствами массовой информации) из, в общем-то, (тоже надо полагать) нормальных приличных людей самых примитивных недоумков.

Хотя сборнику дано название одного из рассказов, центром его всё же является пьеса, герои которой с трудом постепенно осмысливают, **что** мы перестраиваем и **во что**.

В сборник также включены некоторые повседневные зарисовки и статьи литературоведческого и отчасти критического характера.

Посвящается слушателям и поклонникам, читателям и почитателям писателя и философа Михаила Иосифовича Веллера, которые – надо полагать – с удовольствием прочтут в пьесе об ошибке Платона (стр.86.), о решении извечного «неразрешимого» философского вопроса: «Что было раньше курица или яйцо» и другие интересные вещи.

Предисловие

Сборник назван историческим, поскольку он охватывает несколько эпох конца XIX и начала XXI веков: эпоху царизма (стихи И. В. Сталина) и эпохи ленинизма, сталинизма, «Аллы Пугачёвой», М. С. Горбачёва (робкой перестройки), эпохи бурной перестройки с «шоковой терапией» и, наконец, эпохи стабилизации дикого капитализма. Эпоха царизма в нашей стране характеризовалась развитием капитализма в то время как развитый западный капитализм уже отличался упадком – возникновением в искусстве декадентства, которое, естественно в провинциальную Грузию ещё не проникло. Поэтому стихи юного Сосо отмечены печатью русского Ренессанса и жизнеутверждающих народных традиций гордости грузинской поэзии Ильи Чавчавадзе, имение которого находилось в знаменитом селе Кварели, в долине славной реки Алазани. Имение это сохранилось и сейчас. Оно является частью музея этого великого грузинского поэта.

Введение

В искусство, в том числе и в поэзию, приходят по-разному, поскольку здесь, – впрочем, как и во всех других явлениях жизни, – действует множество факторов, из которых назовём несколько первых попавшихся. Очевидно, это природные данные, окружающая среда, эмоциональный настрой, восприятие жизни, отношение к ней...

О влиянии среды воспитания прекрасно рассказал в своей автобиографической повести Н. А. Римский-Корсаков. Его отец, дядя и мать обладали высокими музыкальными способностями, хотя музыкального образования не имели и нотной грамоты не знали. Не смотря на это, отец будущего композитора сочинял романсы, перекладывая свои стихи на музыку из известных опер, а его дядя по памяти играл увертюры и даже целые симфонии. Николай Андреевич помнит себя с двух лет и ранее и отмечает, что мать его пела в замедленном темпе. Можно сказать, что с рождения (и даже ранее) великий композитор рос в атмосфере музыки. В результате он музицировал, также без нот, в самом раннем детстве.

Несомненно благотворную роль в становлении Пушкина-поэта сыграл его дядя Василий Львович Пушкин, а в дальнейшем – Державин. Это хорошо показал Ю. Тынянов, описывая жизнь поэта. Отец поэта также был знатоком литературы и любителем поэзии. Атмосфера Лицея, в котором проходило обучение и воспитание Александра Сергеевича, была пронизана пафосом дружбы и поэзии. Многие его лицейские товарищи пробовали себя, весьма не безуспешно, и в поэтическом творчестве.

Определяющую роль может играть и поддержка как бы случайных людей. В качестве примера можно назвать Сурикова, Чюрлениса, Айвазовского ... Известно, что художник с адмиральским званием родился в семье сапожника и в детстве с увлечением рисовал на камнях и мелом, и углём в Карантинном посёлке вблизи феодосийского порта. Феодосийские купцы заметили одарённого мальчика и выступили в роли спонсоров (как теперь говорят), обеспечив ему надлежащее начальное художественное образование, позволившее ему поступить в петербургскую академию художеств. За что благодарный художник выхлопотал для них высочайшее разрешение на ответвление в Феодосию от строящейся железной дороги Джанкой – Керчь. Суриков также оказался удостоенным купеческой поддержки, а Чюрленис был осыпая словами ободрения и одобрения своих родных в особенности, кажется, сестры.

Дальнейшее развитие таланта (а если человек талантлив, то он талантлив во всём) уже в большей степени зависит от него самого.

У Сталина, как у витязя на распутье, намечались три пути: стать поэтом (имелась серьёзная поддержка Ильи Чавчавадзе), стать революционером (ещё обучаясь в семинарии, он участвовал в работе соответствующих кружков, где пользовался заслуженным признанием), наконец стать учёным (после изгнания из семинарии юный Джугашвили работал в Тифлисской Физической Обсерватории метеорологом-наблюдателем, – вёл дневники наблюдений погоды, – где, несомненно, общался с русскими учёными, учась у них научной логике). Был ещё один путь (не только три!): стать, пользуясь современной терминологией, «боевиком». Его тщательно продуманные оригинальные по замыслу акции для добычи средств своему учителю, находившемуся тогда в эмиграции, проходили с блестящим успехом. Но он выбрал второй путь и прошёл его так же блестяще.

Научное дарование Сталина подтвердилось в его блестящих последних научных работах, а также в определении им кибернетики как лженауки. Верность этого определения уже бесспорна, ибо исчезло само это понятие. Мне могут возразить, что на смену кибернетики пришла информатика, заменившая её. Однако из этой (*по умолчанию!*) замены следует лишь то, что и информатика суть такая же лженаука, которую, надо думать, ожидает та же судьба. Разумеется, это не относится к технологиям производства современных средств вычислитель-

ной техники, которые поистине фантастичны (как в романах И. А. Ефремова в эру Великого Кольца)

В самом деле, кибернетику нам преподносили в качестве науки об управлении, которое должно осуществляться с позиций осознания целей управления, знания свойств объектов, подлежащих управлению, отслеживания состояния управляемых объектов и т. д.. Но всё это есть составляющие **другой** науки: Методологии Творчества (управление же как раз – наиболее **творческий** процесс), зачатки которой намечались в советское время, увы, уже в годы пресловутого застоя. Некоторые наработки к этой очень важной теме имеются у меня, к сожалению, покамест только в рукописях.

От автора

С началом перестройки вновь всплыла сталинская тема естественно в известном тенденциозном направлении. Мне довелось прочитать четыре такие книжицы. К чести автора одной из них надо сказать, что ему удалось избежать эту тенденциозную установку и роль этой величайшей личности была им представлена достаточно объективно. Более того, он поместил прекрасные юношеские стихи своего героя. В общей сложности из разных источников мне повезло собрать шесть стихотворений Иосифа Джугашвили. (Несколько позже мне стало известно, что их всего 7).

Это, учитывая возраст поэта, были превосходные произведения, которые были одобрены Ильёй Чавчавадзе и при его содействии опубликованы. Поэтические способности И. В. Сталина меня поразили, поскольку я сам по разным причинам пробовал себя и в этом виде творчества и могу судить о его сложности не понаслышке, а исходя из собственного опыта.

Для того, чтобы читатель смог сам сделать сравнительный анализ, автор счёл необходимым поместить в предлагаемом литературном сборнике эти прекрасные стихи, снабдив их комментариями и пояснениями, которые, надеюсь, будут полезны с целью лучшего восприятия любого литературного (а не только поэтического) творчества.

Стихи Сосо Джугашвили. Стихотворения юного Иосифа Джугашвили Предисловие

(к стихам Сталина)

Один из европейских философов в своё время сказал: «**злодейство и гениальность – несовместимы**». Что повторил в дальнейшем и наш славный поэт А. С. Пушкин. Это действительно так. Многие конъюнктурные политологи, принимаясь за модную тему в псевдорубрике «Правда о Сталине», пытались создать образ созвучный соответствующему политическому заказу. Но это им не удалось. Особенно показательна в этом плане книга Эдварда Радзинского «Сталин».

Публикация даже одного юношеского стиха тут же перечёркивает все их первоначальные злые замыслы. **Настолько велик талант юного поэта.**

Первым из этих стихотворений «Ходил он от дома к дому...», посвящённое, как мы увидим, Сократу, мне попало в элитном нововомодном журнале «Знание – власть», пропагандирующем власть в ореоле славянского жречества. Это прекрасное материалистическое произведение преподносилось интеллигентствующими авторами этого полумистического журнала как якобы предсказание, *провидение личной судьбы* молодого совсем юного поэта. Хотя любому мало-мальски образованному и начитанному человеку даже не вооружённым взглядом станет ясно, что речь идёт об общеизвестном трагичном факте из жизни древнегреческого философа.

Затем это стихотворение попадалось мне и в других источниках. Ниже вниманию читателя предлагается шесть стихотворений, пронизанных светлыми человеческими чувствами к природе, к родине, к труду, к разуму.

Стихотворения, отмеченные звёздочками, были приведены без названий. Этим стихотворениям названия присвоены (мною) составителем, исходя из смыслового содержания данного произведения.

Луне

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землёй,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.
К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.
Но твёрдо знай, кто был однажды
Повергнут в прах и угнетён,
Ещё сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылён.
Сияй на тёмном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.
Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну,
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.

Поэту

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слёз,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.
Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.
Когда, отчизной вдохновлённый,
Заветных струн касался ты,
То словно юноша влюблённый,
Ей посвящал свои мечты.
С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник воздвиг себе.
Певца отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.
Не зря народ тебя прославил,
Перешагнёшь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави
Страна моя растит сынов.

Сократу

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым своим пандури,
С нехитрою песней своей.
А в песне его напевной, —
Как солнечный блеск чиста, —
Звучала Великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращённые в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!».

Великая Правда и Возвышенная Мечта звучали и в трудах вполне приличных и достойных учёных, занимавшихся конструированием оптимального человеческого общества, которых всем известные недоумки назвали *утопистами*, придав этому непонятному и загадочному слову бранный оттенок и унижительный в высшей степени порочный смысл. В результате такого непродуманного (это очень мягко сказано) поступка они сами оказались уже действительными *утопистами*, ибо своими «трусами» *утопили* коммунистическую идею, верность которой сохранили лишь Сталин и Крупская, честно делавшая и **сделавшая коммунистическую** (*лучшую в мире*) систему образования.

Саламури

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет её над дальней гранью
Играет бледной синевою,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвонят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен тёмный лес в ночи,
Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадёт в свой скорбный край,
Когда кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.
Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьётся неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Утро

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И лёгким ветром пробуждён,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о, Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учёбою, друзья,
Прославьте Родину свою!».

Пахарю

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.
Вот беда! Когда бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —
Сноп валился за снопом.
По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит...
Всё лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.
А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенётся, как всегда.
На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг.

Прим. Как удалось выяснить, саламури означает грузинский духовой музыкальный инструмент типа нашей свирели. Пандури, очевидно, тоже музыкальный струнный инструмент, напоминающий украинскую бандуру или русские гусли.

Послесловие

Эти стихи Иосифа Виссарионовича Джугашвили были написаны им в 16-ти летнем возрасте, он читал их друзьям, они были опубликованы в газете «Иверия». Они получили высокую оценку известного грузинского поэта с мировым именем Ильи Чавчавадзе, который опубликовал многие из них.

Тот факт, что поэтическое творчество И. В. Сталина нам не было известно ранее, объясняется только скромностью автора в зрелые годы. Общеизвестно, что Сталин, возвеличивая роль Ленина в создании нового государства, всячески препятствовал подчёркиванию своей роли в строительстве новой величайшей земной цивилизации. А в сделанных им критических замечаниях к новому учебнику политэкономии он настоятельно рекомендовал их авторам полностью убрать главы, посвящённые отдельно Ленину и Сталину, поскольку необходимые ссылки на них уже сделаны в соответствующих содержательных главах учебника.

Также Сталин препятствовал написанию своей биографии. В детстве мне довелось прочитать только одну небольшую книжку о нём, о его детских годах. Это прекрасная книжка и я помню иллюстрацию в ней.

Подборка приведенных стихов сделана из книги Александра Колесника «Мифы и правда о семье Сталина» изд. Харьков «Простор» 1991 г.. Стихи прекрасны как по форме, так и по содержанию. К сожалению А. Колесник не указал источник, которым он пользовался, не указал на каком языке были написаны стихи Сталиным; если на грузинском, то кто сделал перевод на русский. Можно предположить, что они написаны самим Сталиным на русском языке, т. к. письменной речью на русском языке он владел в совершенстве уже в юношеские годы, когда учась в Горийском духовном училище, он усиленно занимался самообразованием, пользуясь библиотекой училища. Представления о широте и глубине его интересов появятся у нас, если мы ознакомимся с перечнем книг из его читательской карточки, который был найден в архивах царской охранки. Это были книги по философии, искусству, литературе, произведения грузинских поэтов и классиков русской литературы. Вероятнее всего эти книги были на русском языке.

Далее. Более полутора лет, когда юношу Иосифа Джугашвили (Сталина) исключили из Тифлисской семинарии, куда он поступил после блестящего окончания Горийского училища, он проработал в Тифлисской физической обсерватории, где, скорее всего, он был занят перепиской журналов наблюдений, научных отчётов и т. п.. Здесь, общаясь с учёными, среди которых, наверняка, было немало, а скорее всего большинство, русских, И. В. Сталин углублял свои знания русского языка и овладевал научной логикой, которая в дальнейшем отчётливо проявилась во всех его научных работах, хотя и не связанных с физикой. Напомним, что **логика** едина для всех наук (в том числе, и гуманитарных). Это ещё раз подтверждает, что научная логика **едина**, она не имеет специализации и, будучи применена, в любой сфере деятельности даёт прекрасные результаты.

Однако революционные интересы побудили его, видимо, отказаться от этой престижной, – или, как у нас говорят, «не пыльной», – работы и перейти на рабочую профессию железнодорожных мастерских Бакинского депо.

В заключение ещё раз подчеркнём, что приведенные юношеские стихотворные произведения свидетельствуют о разносторонних способностях выдающегося революционера и учёного И. В. Сталина.

Слова А. С. Пушкина «Гений и злодейство – две вещи несовместимые» приводит замечательный советский скульптор С. Т. Коненков в своей прекрасной книге «Мой Век», выпущенной издательством политической литературы г. Москва в 1971 году.

К осмыслению величайшей роли Сталина и его вклада в развитие человеческой цивилизации не лишне будет ознакомиться с речью Черчилля и его оценкой данной Великому гению двадцатого века, которая приводится далее.

Из выступления Черчилля 25.12.59 г.
В Палате общин в связи с
80-ти-летием со дня рождения Сталина:

Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и полководец – Сталин.

Он был самой выдающейся личностью, сумевшей противостоять изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, с негибаемой силой воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила настолько велика в Сталине, что он оказался неповторимым среди руководителей государства всех времён и народов.

И. В. Сталин произвёл на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишённой всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непоколебимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты творчества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю – это был человек, который своего врага уничтожал своим врагом.

Сталин был величайшим, не имевшим себе равных в мире, диктатором, который принял Россию с сохой, а оставил её оснащённой атомным оружием. Нет, чтобы мы ни говорили о нём, – таких история и народы не забывают.

Этот текст я переписал с рукописи, которую мне одолжил сотрудник ТАНТК им. Бериева. Откуда он его переписал, я не любопытствовал, однако сомневаться в достоверности не приходится: в тексте явно просматривается стиль английского лорда, этой хитрой лисы, который лицемерно затягивал открытие второго фронта. Достаточно ознакомиться с перепиской Черчилля и Сталина в годы Великой Отечественной войны, чтобы убедиться в этом. Отголоски этой переписки можно проследить в приведённом выступлении английского премьера. Например, там, где Черчилль говорит о способности «точно воспринимать мысли». Действительно, Сталин видел лицемерие своих союзников, их скрытую игру и, не выходя из рамок дипломатической переписки, указывал им на недостойность нарушения норм союзнических отношений, а конкретнее – прежних договорённостей.

Тем не менее, к чести английского лорда, надо отметить, что оценку государственной деятельности Сталина он дал совершенно точную и объективную. Теперь уже можно совершенно безоговорочно утверждать, что Сталин сделал для России неизмеримо больше и с неизмеримо меньшими потерями, чем любой государственный деятель России до и после него.

Затем мне посчастливилось встретить этот интересный текст Черчиллевого выступления в изданной гораздо позднее книге французского историка Франсуа Бедарида «Черчилль», изданной в серии ЖЗЛ издательством «Молодая Гвардия» в 2003 году. Послесловие к этой любопытной книге написано советским учёным Ю. В. Емельяновым, который приводит и приведённый выше текст. (Он оказался полностью идентичным).

Роль Сталина чрезвычайно велика. Её осмысление – задача будущих исследователей, которым необходимо, в первую очередь, рассмотреть создание им (при отсутствии надлежащего законченного проекта) новой локальной прогрессивной цивилизации на Земле, новой культуры, которая станет вровень с Античной культурой и будет столь же сильно поражать воображение любого культурного человека будущей земной цивилизации.

31.03.2000 г.

Далее следует собственно авторский литературный сборник.
Первое четверостишие написано тоже примерно в шестнадцатилетнем возрасте.

Стихи разных лет

Мрачные мысли отбросим!
Весна идёт! Весна!
Пути у людей мы спросим,
Каким идти и куда.

1949 г.

К С. К.

Как восхитительна улыбка
Твоего восторгом полного лица,
И солнца луч как радостно искрится
В завитках волос золотых, упавши свысока!

Ты иногда с улыбкою такой
Глазами карими большими,
Что с простотою неподдельной
Сияют мило в восхищеньи,
Посмотришь на меня,
Красою девичьей пленя.

И в душу вдруг врывается, кипя,
Сознание силы собственной, могучей.
О! Если б чаще ты смотрела на меня
Глазами юности кипучей.

1952 г.

Зимнее настроение

(Ungereimter Vers
Белый стих)

Тихо. Лёгкий морозец.
Снег пушистый, пушистый. Такой,
Что дунешь на него – он и слетает лёгким облачком снежинок.
А какая красота в лесу!
Незаметно пошевеливая свисающими ветвями,
Покрытыми инеем, стоят прозрачно-воздушные берёзки;
И среди них гордо замерли тёмно-зелёные мрачные ели,
Будто придавленные тяжестью снега,
Лежащего на их лапах.
И над всем этим спокойным царством
Прекрасного стройная хвостунья-сосна
Подняла свою пустую макушку, кокетливо
Усыпанную сверкающим, искристым снегом.

*Красная Поляна (Подмосковье)
Январь, 1953 года.*

Эпиграммы

Наша Стелла всегда весела
И горда. Непрístupна она,
Как морская скала.

...

Умён на вид он очень, хоть и глуп.
Зайдёт ли спор – упря́м, как дуб.

1954 г.

Весеннее настроение

Обычная дорога в институт.
Сажу и еду, и смотрю в окно:
Внизу, среди деревьев,
Ветры бушуют, снег метут;
Но глянешь выше —
Уж весенни облака плывут неслышно.

Весна! Уж скоро, в звонкие
Ручьи снег старый обратя,
Заполнишь бодрю музыкой
Колхозные поля.

А под мостом, что каждый раз я проезжаю,
Забурлит мой старый друг – немолкнувший поток.

1953 год.

Ариозо

О! Инга милая
И прекрасная,
Как люблю тебя
И молю тебя:
Одари меня
Своей ласкою.

1957 г.

К...

Вечерком иду к тебе,
Шлёпая по лужам.
Мы пойдём с тобой в кино,
Хоть и будет стужа.

Пальцы тонкие твои
Я возьму в свои
Ладони и скажу:
«Люблю тебя!...».

Пусть ты и рассердишься,
И отнимешь руки,
Всё равно тебя тогда
Обниму – не вырвешься.

1960 г.

«Любовь. И снова вопль терзаемой груди...»

Любовь. И снова вопль терзаемой груди
Наружу сквозь сдавленную щель гортани
Рвётся. И мысль одна: тебя увидеть,
В своих объятьях сжать
И замереть
В истоме сладостной уже.

1982 г.

Одиночество

Одиночество хлещет осенним дождём,
Одиночество бродит потёмками серыми.
Одиночество, если оно вдвоём,
Станет буднями самыми чёрными.

1983 г.

Lorelei
Heine
(Ich weiß nicht, daß so es bedeutet
Daß ich so traurig bin)

Я не знаю, что это значит,
Что я так грустен опять;
Что сказка из старых преданий,
Как песня мечтой своей, манит.

Хладный воздух сурово темнеет
Над тихо текущим Рейном.
Вершина скалы искрится
В лучах заходящего солнца.

Как чудо небес на вершине
Прекрасная дева видна;
Её золочёный гребень
Скользит в золотых волосах.

(Пер. с нем.) 1983 г.

В переводе Левика начало этого стихотворения Великого немецкого поэта-романтика звучит иначе:

Не знаю, что стало со мною,
Душа моя грустью полна.
Мне всё не даёт покою
Старинная сказка одна.

На севере диком
Heine
(Ein Fichtenbaum steht einsam)

Гордый кедр стоит уныло;
В холод выси вознесён.
Дремлет, будто в саван белый,
Льдом и снегом окружён.

Мечтает о пальме далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Грустит, одиноко качаясь,
На склоне пылающих гор.

(Пер. с нем.) 1983 г.

А вот как звучит этот же стих в переводе Тютчева:

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветёт одинока...

Этот же стих привлёк внимание и Лермонтова:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна;
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

Переводы с русского на немецкий

M. Ü. Lermontov

Das Segel

Einsam hat Mast mit Segeln
In blauen Meer sich sehen!
Was suchte er ins fernen Land?
Warum läßt er sein liebes Land?

Die Wellen spilen – Wind sehr pfeifen,
Und Mast sich biegt und schrecklich knarret...
O weh, – er hat kein Glück zu suchen,
Und aber nicht vom Glück entgeht.

Unter ihm ist Strahl der Lasur heller,
Über ihm ist Strahl der Sonne golden...
Aber um Sturm bittet er, unruhiger
Als ob in den Stürme sei es Frieden!

I. W. Stalin AN SOKRATOS

Er ging von Haus zu Haus,
Klopfend an fremde Tür,
Mit altem eichenem Pandur
Mit seinem Lied einfaches.
Ins Lied melodisch sehr, —
Wie Blick der Sonne rein, —

Внуку

Мальчик Яник по утрам
Одевается сам:
Он шнурки ботиночка
Продевает в дырочки;
Шапку, шарфик иль перчатки
Не напялит он на пятки;
Он на ручки рукавички
Надевает по привычке.
Весел, скромн и умён
Славный Янис-Аполлон.

1996 г.

Ода юбиляру

Нас девы юные смущали,
И потому мы Славы не догнали.
Так годы шли и мы мужали,
Мы дев стесняться перестали.

Но Веры не хватало нам,
Чтоб полностью себя делам,
Отечеству и дому посвятить
И тем авторитет свой укрепить.

Какой же Веры? Веры от подруги,
Чтоб завистью терзались даже други!

Май 1999 г.

Урожай

(Милому внушеньку на
День Рождения 15.06.02)

Среди поля золотого
Поля чистого ржаного
Мальчик Беленький стоит,
Он на радугу глядит.

Дождик славный пролился,
Урожай наш удался.
Урожай, Урожай —
Добрый будет каравай!

Каравай мы испечём,
Всех на праздник позовём.
И на празднике на том
Мы станцуем и споём:

Каравай, каравай,
Кого хочешь выбирай —
Мальчиков хороших,
Девочек пригожих.

В хороводе славненько
Пляшет Синеглазенький,
Гретхен смотрит на него —
День Рожденья у него!

Май 2002 г.

На Днепре

Стан божественный
И дивный
Левой дланью
Обнимал я;
Правой румпель я
Сжимал, устремляя
В брег Днепра
Бег «Аспазии» прекрасной.

Ночь украинска тиха
Над берегами простиралась;
Песнь нехитрая моя
Над рекою разливалась,
Услаждая слух подруги
Нежной страстью томной неги.

Свежий бриз тянул долиной,
Упираясь в парус твёрдый;
И скользила яхта наша,
Гладь Днепра не возмущая.

2004 г.

Днепр также поэтичен как и Рейн, об этом поведал Гейне в переводе В. Левика:

Мы на палубе сидели,
Гордо плыл нарядный бот.
Над широким, вольным Рейном
Рдел закатом небосвод.

Я у ног прекрасной дамы
Зачарованный сидел,
На щеках её румянцем
Яркий луч зари блестел.

К Матиссен

Люблю тебя – или сильней – как прежде,
Когда я этих слов боялся произнести.
Я помню всю тебя в надежде
Вновь бёдра дивные узреть,
Твои божественные руки,
Твой нежный взгляд и трепетные губы,
Что подарили мне сладчайший поцелуй.

2004 г.

К В. Н.

С Днём Рождения, Октябрина!
Мне заветная Вершина,
Как Тургеневу была
Не испанка
Не цыганка,
А известная певица,
Всем талантливым – царица.

2005 г.

Юбилейное

Друзья, прекрасен наш Союз!
А. С. Пушкин

Уж сколько лет прошло
И снова вместе мы,
И ждёт вино, разлитое в бокалы,
Торжественной минуты
Волнительного тоста
В честь славной нашей Alma Mater,
Которой нет уже,
Как нет и Грузии моей,
И нашего прекрасного Союза.
– Где ж Грузия твоя? – Она
Под башмаком позорного банкира.
– А где ж прекрасный наш Союз?
– Союз разрушен нашими руками
Под радостные визги супостата.
Жаль только жить в том прекрасном
Союзе не довелось нашим
Детям и внукам, прекрасным.
– Ах! Что мы наделали?!
– Вскричали друзья.
– Ошибку давно нам исправить пора!

Поднимем бокалы
За встречу, капралы!
Содвинем их разом,
Ошибку исправим!
Да здравствуют Музы!
Да здравствует Разум!

26 октября 2006 г.

Наш славный институт, в котором мне довелось учиться в годы его высшего расцвета, претерпел много различных названий, хотя по возрасту его можно называть скорее молодым вузом, чем старым, невзирая на его славу. Он возник всего в конце XIX века под названием МТУ (Московское Техническое Училище) в статусе техникума – по советским меркам – или колледжа – по западной моде. Незадолго до Революции он получил статус вуза с названием МВТУ. После Революции в память о революционных событиях на улицах этого района ему было присвоено почётное наименование МВТУ им. Н. Э. Баумана. Затем с целью подчеркнуть его роль в создании заводов-первенцов советского машиностроения, что было отмечено орденом, он стал именоваться КМММИ им. Н. Э. Баумана (Краснознамённый Московский Механико-Машиностроительный Институт). Но это громоздкое название не прижилось и после Войны в связи с награждением ещё одним орденом ему вернули старое название с новым полным звучанием: Московское ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Высшее Техническое Училище им. Баумана. Это название и указано в моём дипломе. Разумеется никому и в голову не могло прийти, что это наименование, под которым наш институт известен

во всём мире, вновь подвергнется изменениям. Увы, западное поветрие не обошло стороной и наше славное Училище.

Переименование институтов в университеты несомненно имеет под собой идеологическую почву. (Несмотря на вопли о *деидеологизации!*). Какую? Можно объяснить. Дело в том, что задачей институтов является подготовка специалистов по разным отраслям знаний с целью созидания в направлении этих знаний, а задача университетов заключается лишь в распространении знаний. Следовательно, без институтов невозможно развитие человеческого сообщества. Правильным обществом, способным на прогрессивное развитие, может быть только сообщество созидателей. Таким образом, упразднение институтов обрекает человечество на застой, на прекращение развития. Результат же этих пагубных явлений уже очевиден.

Сказки

Сказка для самых маленьких про зелёную шапочку

Начало

Жили-были папа и мама в красивом приморском городе. И был у них мальчик, которого все любили. И звали его Зелёная Шапочка. Так его звали потому, что он любил носить зелёную шапочку, которую связала ему его бабушка.

Однажды мама напекла пирожков и позвала:

– Зелёная шапочка, иди сюда.

Мальчик быстренько прибежал и мама сказала ему:

– Зелёная шапочка, я испекла пирожки, а ты отнеси их бабушке.

– Хорошо, мама! – ответил мальчик, взял корзинку с пирожками и выбежал во двор.

– Смотри не заблудись! – крикнула мама с балкона ему вдогонку.

– Нет, я дорогу хорошо знаю!

И мальчик смело отправился в знакомый путь.

Что случилось

Дорога шла вдоль моря и Зелёная Шапочка весело бежал по песчаному берегу. Морские ласковые волны хотели лизнуть его загорелые ноги, но он, играя, увёртывался от них, радуясь своей ловкости. Сетило солнце и в голубом небе мелькали юркие чайки.

Очень скоро Зелёная Шапочка подошёл к заливу, на другой стороне которого и жила бабушка. В этот раз мальчик решил не обходить залив, а переплыть его. Ведь он уже научился плавать, в этом помог ему папа. И смелый мальчик быстро соорудил плотик из камыша, сложил на него одежду и поставил корзинку; стащил плотик в воду и, толкая его перед собой, поплыл к противоположному берегу.

Вдруг небо покрылось тучами, подул резкий ветер и потемневшее море покрылось крутыми волнами. Но юный мореплаватель крепче ухватился за плотик и, напрягая силы, упрямо плыл к знакомой песчаной косе, где они часто купались с папой, когда приходили в гости к бабушке.

Неожиданно сильный порыв ветра вырвал плотик у мальчика из рук, а набежавшая волна унесла мальчика в открытое море. Зелёная Шапочка из последних сил боролся с волнами, но волны всё чаще прокатывались над его головой и вот уже нет больше сил. И тут мальчик почувствовал, как кто-то толкнул его снизу.

Придя в себя, он увидел вокруг попрежнему бушующее море, однако теперь ни одна волна не могла достать до его головы, потому что он сидел верхом на дельфине и нежно обнимал его плавник. Умный дельфин стремительно мчался к берегу. Скоро Зелёная Шапочка смог разглядеть рыбацкие домики и парусные шаланды, спешно причаливающие к берегу.

Чем всё закончилось

Подплыв к одной из шаланд, дельфин нырнул и скрылся в море, а Зелёную Шапочку подхватили сильные руки рыбаков.

Мальчик и дельфин крепко подружились и самую вкусную рыбку, какую двала ему бабушка, он приносил своему другу.

Сказка о розовой вершине

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был принц. Это был красивый мальчик очень серьёзный и вдумчивый. Предаваться же размышлениям ему удавалось редко, потому что жил он в очень бурном, суетливом королевстве, где постоянно происходили то ассамблеи, то симпозиумы, то запуски змеев, то балы. Причём все эти церемонии каждый раз походили на соответствующую прошлогоднюю, как одна капля воды походит на другую.

Собственно в достижении этой похожести и заключался смысл всей подготовки к каждой церемонии, которой были заняты все служители и обитатели двора. Не разрешалось нарушить ни одну из мельчайших деталей церемонии. За этим тщательно следили специально назначенные королём вельможи, которые сличали подготавливаемую церемонию с прошедшей накануне по специальным записям и восковым отпечаткам на специальных дисках.

Эти записи и отпечатки делали специальные, очень профессиональные люди, тоже назначаемые королём. И называли этих людей летокорниками. Летокорники не принимали участия в церемонии, так как они только записывали, снимали отпечатки, подсчитывали; подсчитывали всё, вплоть до числа шагов каждого участника церемонии и числа маковых зёрен на заключительном бублике.

После каждой церемонии чрезвычайная комиссия тщательно сравнивала состоявшуюся церемонию с предыдущей и докладывала королю. Если комиссия не обнаруживала различий, то король раздавал вельможам, а иногда и служителям двора, высокие награды. При обнаружении разницы виновные сурово наказывались и снимались с должности. А занимаемой должностью в этом королевстве очень дорожили. Вот почему генеральный конструктор змеев так старательно копировал каждый раз прошлогодний чертёж, готовя чертежи змея к очередной церемонии запуска. Конечно можно было бы отдать в коллегии умельцев старый чертёж, но генеральный конструктор был очень честный и не хотел даром получать своё жалованье.

Принц старался быть в стороне от этих хлопотливых приготовлений, чем вызывал недовольство королевы чопорной ещё не старой дамы, которая была бы привлекательной, если бы не выражение великой озабоченности о судьбах королевства на её лице и не постоянно поджатые губы. Принцессы (сёстры принца), которых звали Мордалина и Варварина, были умнее принца и делали вид, что выполняют указания королевы самым добросовестным образом. Это избавляло их от наказаний и они неизменно получали свои бублики. Принц же, а его звали Эллинарий, часто был наказываем лишением бублика к вечернему чаю.

Разумеется, это его мало тревожило. Вечерний чай был скучен и он с удовольствием заменял его ужином у старого садовника, который охотно делил с ним свой стол, уставленный фруктами и пиалами душистого мёда с разнообразными замысловатыми цветочными названиями.

Сады в этом королевстве были не в моде, и садовники были самым последним сословием на общественной лестнице. Зато и король, и королева обожали парки, и паркетники составляли одно из верхних сословий. Парков было много и, по мнению дворовой знати, они были очень красивы. Деревья в этих парках, благодаря трудолюбию паркетников, были самых разных форм: то в виде шара, то в виде куба, то – пирамиды, отчего парки были подобны складам наглядных пособий по геометрии. Нарочитая похожесть, от которой каждый нормальный человек мог придти в уныние, царила во всём королевстве. Поэтому не удивительно, что вдумчивого впечатлительного и любознательного мальчика такое однообразие королевского уклада и отсутствие перспектив получить новые впечатления страшно угнетали.

Так росли принц и две принцессы под неусыпным наблюдением королевы, губернёров и учителей. Но вот однажды во время одной из любимых принцем прогулок с садовником по саду, который местами походил на причудливые дебри джунглей и в то же время был без-

укоризненно ухожен, принц услышал от своего ненавязчивого наставника удивительный рассказ о прекрасной розовой вершине, которая находится за пределами королевства и поэтому о ней никто не знает. Не входит она и в никакие другие королевства, поэтому и на посольских приемах о ней никто никогда не говорит.

И всё же, по словам садовника, эта изумительная по красоте Розовая Вершина существует. Издали она представляется одной вершиной, но на самом деле там две вершины, между которыми скрывается удивительный оазис с на редкость мягким, тёплым климатом, благодаря которому там растут всевозможные редкостные плодовые деревья, поют звонкоголосые птицы, пробегают грациозные газели. Путь к вершине очень не лёгок, но достигшие её сверкающего ледового шпиля уже на вершине ощущают новый прилив сил, а чуть спустившись в оазис обретают полное отдохновение и пребывание на вершине вместе с отдыхом на лужайках у ручья оазиса доставляют такое наслаждение, которое не забывается никогда, служа источником вдохновения во всех самых разных делах. Но самое главное, этот не лёгкий путь нельзя проделать одному, а только с верной подругой, одной веры с тобой.

*Кто подругу и верного друга найдёт,
Тот легко, беспечально по жизни пойдёт.*

Так словами мудреца-поэта закончил садовник свой рассказ о Розовой Вершине, побывав на которой, вырастут мальчики.

Песенка принца во время его бегства из королевства на пути к вершине.

Пни и колоды,
Мрачные камни,
Лес до небес,
Ни поляны вокруг;

Ноги избиты,
Изодрана кожа.
Прав был садовник:
Нельзя в одиночку
В долгий, незнаемый
Путь отправляться.

Сказка для детей и взрослых о мудром пастухе и его несмышлёной пастве

*Каков поп – таков и приход.
Но, в то же время —
Стадо достойно своего пастуха.*

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, превеликий государь. Раньше-то он, конечно, был просто государь, но потом он вдруг так расстарался, в подвигах изловчился и аж две должности в своём едином лице исполнять удосужился; так от этого старания он и стал великим, а уж как сподобил его бог и три должности исправно исправлять, так уж иначе, как превеликим, его и называть-то всем соромно стало. Вот и стал он Превеликим.

А уж подручных у него и того более было превеликое множество. И умельцы и дел духовных, и дел железных; коллегии верховные и неверховные; комитеты исполнительные и неисполнительные; советы самые, что ни на есть, низкие и нижайшие и такие высшие советы, что выше и представить уже возможности никакой не представляется.

И всё это от того, что быдла под его мудрейшим руководством было множество не менее превеликое, чем сам превеликий государь. Но это так издали будто очень превеликое, а ежели повнимательней приглядеться, так быдло так себе, не сказать, чтоб и вовсе никудышное, а какое-то из себя всё хворое, ленивое да плешивое и соображения об себе али там об своей выгоде никакого не имеет.

Идёт, к примеру, по косогору и корма себе не находит: всё вверх-вниз скачки качественные делает. Только то этих скачков оно то на голый бугор выдряпается, то в болото свалится. Нет чтоб ровненько по склону один уровень пройти, а потом и на другой уровень уже переходить.

Вот и пришлось Превеликому по семь шкур сдирать, то-есть постригов вместо двух целых семь производить, чтоб у заграичных благодетелей кормов закупать, да медикаментов всевозможных. Чем он только не пользовал паству свою от хвороб разных: и БВК кормил, и лазером обсвечивал, и китайские инструкцииизготавливал...

Он её и радиацией решил вдруг шандарахнуть и активность с предприимчивостью всем повысить и так радиационный фон в экспериментальной зоне повысил, что округа та чернобыльем вся покрылась.

И тогда повелел Превеликий тем своим мужам учёным, что роль генераторов идей всяческих, и политэкономических, и прочих, от усердия великого утратили, и повелел им изобрести прививку фактора специального, человеческого, чтобы еду сами находить смогли. И тут мужи, от наук шибко учёные будучи, так изловчились и прививку фактора того чуть было и не изобрели. Да вдруг опять незадача вышла. Самому главному учёному по каналу Еврофима видение вышло, что прививку ту непременно одноразовым шприцем прививать надобно. А где же напасть этих шприцев одноразовых на эдакую прорву быдла...?

Пришлось снова за продовольственную программу самому приниматься, циркуляры всяческие измысливать и консультации с заокеанскими единомышленниками проводить. Раньше-то они больше в рыцарском соперничестве упражнялись, и хоть до турниров дело не доходило, но скипетрами об щиты дробь выбивали, каблуками по трибунам стучали и разный прочий шум производили, а теперь, как на латы да копыя всё железо подножное извели, так стали

в единомышленников играть, друг к другу в гости ездить, владения свои показывать. Как-то раз прогуливались Превеликий с Другом Сердешным в саду национальном, что «Херито Фауна» у них прозывается, шёлкову траву лаковыми туфлями французскими приминали, водопадами любовались, а, притомившись, в креслы сели, амброзию кушали, нектаром запивали.

Разомлев же от нектару, который услужливые садовники ловко подливали и положив руку на голову так, будто серое вещество от напряжеия выбрызнуть норовит, Превеликий глубокомысленно произнёс:

– А что если ...?

– Вот, вот. Ты это замечательно придумал; конечно, начини-ка ты Перестройку. – и Друг Сердешный садовникам кивнул и те снова нектару подливать стали и амброзию вновь подавать.

И вот уж в родные пенаты в своём экипаже путь держит и в мечтах полёт его обгоняет: «Хозяин... порядок... газоны, водопады... маркетинг.... Но выбор-то сделан!... Не укладывается что-то?».

Воротившись, спешно в Думу государственную направился, комитеты да коллегии разные созвал и речь произнёс:

– Хозяин, менеджер, маркетинг, водопады, газоны прибыль. Благолепие, понимаете... Но выбор-то сделан! Как-то не укладывается. Не укладывается, понимаете?

По Думе шум, гвалт пошёл. Тут, однако, шут Таталин скомороха Бабалкина, который уж шибко забавно качественные сдвиги аж по трём фазам демонстрировал, локтем в сторону отпихнул и элегантными па к Самомудрому приблизился:

– Многоукладность, – говорит – Многоукладность! Она всё укладёт, как следоват.

Все сразу возрадовались, долонями заплескали, да спохватились...

– Правильно, – сказал Самомудрый – и надо наши процессы развивать, давайте развивать процессы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, когда знаниев про то, как дело делать нехватает.

Поэтому говорительные процессы попервоначалу развитие получили. Такое развитие, что челядь чередой к говорителям выстраивается, а как черёд подходит, так речь и произносит. На радостях дозволили и заграничному гостю, который при Превеликом постоянным гостем числился, с выступлением выступить. В выступлении этом колобок Мэткол много хороших слов сказал:

– Вот вы раньше были бяки-буки, а теперь стали паиньки. Вот и у вас теперь перестройка. У нас так завсегда перестройка. Мы уже давно обязательно что-нибудь перестраиваем: то наши конюшни в дворцы для пиплов перестраиваем, то ихние дворцы – в наши конюшни. Так же и новое мышление у нас всегда было. К примеру, мы угольные шахты или соляные копи чернозёмом не засыпаем, а перестраиваем в подземные царства для времяпрепровождения организованного, а не как попало. Мы своим пиплам непременно норовим плезир измыслить, потому как они нам красивую жизнь делают.

И много других ласковых слов сказал колобок Мэткол. Только Друг Сердешный отозвал этого колобка и другого прислал. Видать шибко вразумительные, не дипломатские, речи говорил: вдруг верноподданные Друга Превеликого и взаправду в разум войдут.

Тем временем и другие процессы пошли по всей стране от края и до края, до самых до окраин. Процессы самые что ни на есть разные. Такие, что и обороты быстро набирают и такие, что всё никак оборотов тех нужных набрать никак не могут. Ежели процессы торможения, али там впят, так очень оборотистые обороты, а ежели без торможения, то тут и оборотов никаких нету. Так и идут процессы разные, куда и зачем, никто не знает, потому как уж шибко сложные процессы.

Сказка – ложь, да в ней намёк – добрым молодцам урок.

И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло – в рот не попадало. «Вот измысли такой маркетинг али там менеджмент какой, чтоб **прибыль** прибывала, как вода в реке в половодье, – бают приближённые подручных Превеликого, – так и тебе попадать будет». А как тут измыслить, коли производителям по полной программе деградация учинилась и товару потому никакого нету. С тем же товаром, что инерционным процессом поддерживается, рядовая маркитантка одной левой управляется; какой уж тут маркетинг...

Ох, нелёгкая эта работа – паству пасти неразумную. Скорее обезьяна, слезши с дерева и взяв в руки саксофон, человеком станет, нежели правоверный*) в сапиенса обратится.

*) Слово «правоверный», как известно, употребляется в сочетаниях: *правоверный мусульманин, правоверный ленинец* и т. п..

Басня-сказка только для взрослых про зайца и зюню

Как истинный страстный любитель русского леса и пенья под гитару у костра, идёт Зюня с гитарой вдоль опушки и вдруг натывается на выскочившего из лесу Зайца. Перепуганный Заяц спрашивает:

«Ты – кто?»

«Охотник» – отвечает Зюня – «за волком бегаю».

«Ого!» – восхищённо заметил Заяц и сделал вид, что действительно принял гитару за ружьё – «А я тоже охотник, только, *с точностью*, наоборот... я убегаю от волка» – добавил Заяц и скромно потупил глазки.

«Вот и прекрасно» – ободрил его Зюня – «давай будем охотничьи байки рассказывать». Заяц с радостью согласился и вдохновлённый прекрасным собеседником начал рассказывать.

«Иду это я, иду как-то вдоль своей опушки и вижу на лугу пасётся лошадь. Ну, думаю, сейчас я её на-на. Забежал в лес, схватил охапку хворосту и положил сзади лошади, снова в лес за хворостом, снова положил и так несколько раз. Потом взобрался на кучу хвороста, а лошадь возьми и отойди. Слез с кучи, перетащил охапки в новую кучу; снова залез, а она снова Но я снова ... и вот уже пристроился, и вот уже штанишки спустил, и вот уже только хотел ..., как на неё сел овод. Махнула лошадь хвостом и скатился я кубарем с кучи хвороста наземь. Встал я, отряхнулся, обтрусил лапки, подтянул штанишки и крикнул ей: «Подумаешь, принцесса. Да не больно-то и хотелось!».

«Да, бывает.» – согласился Зюня – «Вот со мной тоже случай аналогичный был, только я хотел президента на-на. И тоже точно также в самый последний момент сорвалось, совсем как у тебя».

«Не переживай!» – крикнул Заяц на прощанье и побежал по своим заячьим делам.

Идёт Зюня и сам себе думает:

«А я выходит вовсе и не дурак даже. Вот и с Зайцем такое же приключилось».

Мораль сей басни коротка:

Рыбак рыбака

Видит издалека!

Сказка ложь, да в ней намёк,
Ограбленным молодцам урок.

16.05.99г.

Дополнительное примечание. Нетрудно догадаться, что речь идёт об известном орловском барине, который в своём имении «Снегири» занимается разведением уникальных гортензий. 27.09.2008.

СКАЗКА-БЫЛЬ

Про Негра, Который загорает

В некотором царстве, в некотором государстве, а точнее в некоторой африканской республике лежит под развесистым бананом негр и загорает. Упал с дерева созревший банан – он протянул руку, взял банан, съел его и снова лежит. Упал другой банан – протянул другую руку и снова лежит. Мимо проходит один очень предприимчивый предприниматель, а точнее очень деловой американский бизнесмен. Он удивлённо смотрит на загорающего негра и спрашивает с лёгким возмущением:

– Ты чего лежишь, бездельник?

– А что мне делать? – отвечает негр.

– Как что?! – возмущается деловой бизнесмен – полезь на дерево, нарви корзину бананов, отнеси их в город на базар, продай их и получишь деньги.

– А зачем мне деньги? – удивляется негр.

– Как зачем?! Купишь ещё два дерева, нарвёшь ещё больше бананов, продашь их и получишь ещё больше денег. – ещё больше возмущается бизнесмен.

– А зачем мне ещё больше денег? – безразлично возразил негр.

– Как зачем?! – распаляется предприимчивый бизнесмен – купишь платацию, наймёшь батраков! Они будут работать, а ты будешь лежать и *ничего не делать!*

– А я и так лежу и *ничего не делаю.* – невозмутимо отвечает негр.

Таким образом мы можем констатировать, что сбой взаимопонимания (или недопонимание) произошёл уже на начальном уровне → на уровне цели. Предложи ему бизнесмен более благородную цель, нежели только зарабатывание денег, результат мог бы быть совсем иным. Этой более благородной целью мне представляется удовлетворение потребностей в сладком банане своих соотечественников (граждан Земли), которые проживают в таких климатических зонах, где эти сладкие бананы не произрастают. Цель же «*ничего не делать*» совершенно правильно не вдохновила загорающего негра на трудовые подвиги.

Рассказы

Большая шоколадка

Во дворе гулял Серёжа. Это мальчик полутора лет в меру полненький с серьёзными серыми глазами и светлыми волосиками. И с ним она... Да, конечно это она, та, с которой быть для меня всегда приятно и настолько, что временами щемит сердце, та, один взгляд которой равноценен килограмму положительных эмоций, та, которая вызывает чувство радости при одной лишь мысли о том, что она есть среди нас, около меня.

Однако для меня она казалась недостижимой, несмотря на поражающую подчас общность многих представлений и интересов.

У неё яркие карие глаза с тёмно-коричневой каёмкой, широкая пухловатая дуга нижней губы оттеняет детскую капризность готового улыбнуться рта и взрослые морщинки-ямочки на чуть смуглых щеках с заметным румянцем; из тёмно-русых волос выбиваются на виски золотисто-рыжие вьющиеся пряди.

Она очень любит детей и всегда возится с ними. Особенно удачлив в этом отношении Серёжа. Мне тоже доставляет удовольствие потормозить его за толстенькую талию, побеседовать с ним.

Серёжа гуляет?

Д-та.

А где твоя мама?

Аа-м – и Серёжа машет рукой в сторону своего дома или заводских ворот, в зависимости от того, где сейчас его мама: дома или на работе.

А к Саше пойдём?

Серёжа возбуждается, хватая свою спутницу за палец и тащит к нашему общежитию, старательно выговаривая:

Ффа-ффа, Ффа-ффа.

Как-то во время такого разговора она спросила своего любимца:

Серёжа, а как зовут этого дядю? – и указала на меня.

Глеб – довольно твёрдо и чётко произнёс Серёжа и лицо его чарующей спутницы озарилось в довольной улыбке.

Я очень удивился тогда: ведь при этих коротких встречах мы и не называли друг друга по имени, да и само имя для мальчика такого возраста трудно произносимо.

И сейчас, видя, как малыш неуклюже путается в её по-спортивному стройных и крепких ногах, я не мог не подойти. Мы поздоровались и затеяли важный разговор о пользе гуляния и о месте пребывания его родителей. Успешно покончив с этими темами, Серёжа без тени смущения заявил о своём немедленном желании покататься на машине. Наша очаровательная спутница терпеливо стала объяснять ему почему этого нельзя сделать сейчас и когда это можно будет сделать.

И вдруг она сказала:

Если бы у меня был такой сын, мне больше ничего не было бы нужно.

Я не выдержал и спросил:

А если бы у твоего сына был такой отец, как я?

Она растерялась, как-то укоризненно посмотрела на меня и ... улыбнулась.

Взволнованный и смущённый неопределённостью я ушёл. Весь день я ходил сам не свой. В самом деле, ведь ей просто муж не нужен. Помнится она как-то сказала мне: «Ты думаешь я не могла бы выйти замуж как ...?» и назвала мне двух. О них говорили у нас, что они женили

на себе своих мужей. Теперь они живут, скандаля и поругивая друг друга в глаза и за глаза. Да, я должен был понять. Что не это ей нужно. Ей не нужен тот, которого остаётся любить только за то, что она приглянулась ему, ей самой за что-то надо любить, за что-то уважать. И она видит во мне это. От этой мысли хотелось бегать, прыгать... и линейки кульмана белокрылыми чайками весело порхали над ватманом.

Вечером я отнёс ей лыжные палки, на которых укрепил сорвавшиеся кольца. Уходя, я сказал:

«Мне трудно сейчас что-либо говорить, ты сама знаешь почему. Но мне надобно знать, можешь ли ты представить меня своим мужем. Скажи только „нет“ или ... „да“ и ... я..».

«Да».

Я как-то неестественно выдохнул, сдавленным чужим голосом произнёс её имя, и, чмокнув её куда-то между шеей и щекой, выбежал от неё. У края двора в световом круге от уличного фонаря Серёжа, орудуя лопаткой, внедрялся в снежный холм. Подойдя к нему с расспросами и с трудом поняв, – взрослые всегда такие бестолковые, – что ковыряние лопаткой – это подготовительная процедура к грандиозному строительству, я предложил:

«А хочешь, я принесу тебе большую, большую шоколадку?»

«Хочу» нимало не отвлекаясь от серьёзного занятия, безразлично ответил он.

Когда я вернулся, с ним была и она. Присев перед Серёжей на корточки, я протянул ему шоколадку:

«Вот, Серёжа, на тебе и угости и маму, и папу. А эту тётю тоже можешь угостить».

Серёжа не стал медлить и, протягивая ей шоколадку, дёргал её за полу пальто, бормоча:

«На, ну на».

Она же смотрела на нас сверху и улыбалась своей замечательной ласковой улыбкой. А вокруг столба в его свету кружились и кружились снежинки.

1959 г.

Ирочка

*О муках любви поведал ей он. Она ж,
К подружкам своим обратясь, спросила:
«А муки любви сильны ль?» Ей ответили:
«Знала б ты те мучения сама,
Ты жаждущему дала б
Испить сладкой влаги губ».*

Из восточной поэзии

Будучи студентом, на последних курсах, я невзначай влюбился в студентку нашей группы. Надо отметить, что наш институт не ИнЯз и не блещет красотой наших редких в столь безжалостном вузе соратниц. Робкая вначале она всё же освоила бездушные, педантично-логичные технические предметы и после нескольких моих комплиментов ей по поводу блестящих её ответов на экзамене по «допускам» – второй классической дисциплине в нашей Alma Mater – мы подружились; тем более, что она была организатором наших студенческих вечеринок. Увы, моя юношеская любовь, в самых нежных выражениях, как и подобает искренней подруге, была отвергнута.

Супружеские жизни наши не сложились: она отважилась на одну попытку, я – на две. Мы встречались при моих посещениях Москвы; на моих глазах росла её дочь, я рассказывал о своих детях; изредка, главным образом в связи с очередной встречей однокашников, мы переписывались. Но вот, роясь в своём бумажном арсенале, я обнаружил письмо, оставшееся не отправленным. Мне оно показалось любопытным.

Здравствуй, несравненная Ирма!

В прошлом письме, поздравляя тебя с днём рождения, я, отметив твою высокую женственность, не рискнул всё же продолжать эту тему в праздничный день. Дело в том, что, обладая столь высокой женственностью, ты естественным образом тяготеешь к надлежащему количеству мужественности.

Из троих мужичков, что достоверно известно мне с твоих слов были в твоей жизни, я видел двоих: это твой муж и отец Кирочки. Представляю, как ты удивишься такому признанию. И тем не менее это так.

Помнишь, в Манеже была выставка Ильи Глазунова; я был на ней дважды: один и с тобой. Очередь тогда была почти полным кольцом вокруг Манежа. Прогрнув, мы сказали друг другу «мы артисты и наше место в буфете», после чего из гардероба напрямик отправились в буфет. При моём посещении ажиотаж вокруг этой выставки, с десятком-другим экстравагантных картин, ещё не набрал таких оборотов; утомительной очереди не было; спокойно осмотрев выставку, я зашёл в буфет, а из него в курилку. Поднявшись из курилки в гардероб, я в изумлении остановился: между зеркалом, папой и мамой, стоящими в двух метрах от зеркала и друг от друга, прыгала, как баскетболист под щитом, прелестная девочка ... копия Кирочки. Принять её за Кирочку, я никак не мог, т. к. в это время Кирочке было 14 лет, а этой девочке семь-восемь. На ней было такое же синее платье, в какие ты одевала свою дочь, такие же белые чулки и классические девчачьи туфли, такие же белые длинные прямые волосы чуть волнистые у плеч, характерный носик и тоже в очках.

Он был в тёмно-серых брюках и серо-бежевой вязаной кофте; стоя на чуть расставленных по-матросски ногах он причёсывал и без того гладкие прямые тёмно-русые волосы и, устремив взгляд в зеркало, был полностью поглощён этим занятием. Она, в узких внизу светло-серых женских брючках и в коротком резко расширяющемся кверху жакете из тёмно-серой ткани, приводя себя в порядок, то приближалась к зеркалу, то отступала от него перед другими, успе-

вая одновременно следить за девочкой и за ним. Заметив, что он покончил со своим занятием, она тут же взяла девочку за руку и кивком головы пригласила его следовать за ними. Процессия из трёх так поразивших меня человек торжественно скрылась в выставочном зале. Хотя ты никогда не носила таких брюк и просторных сверху жакетов, сходство фигур было явным. Определённое сходство было и в лице. Но она была, как и девочка, в очках.

Вечером после обмена с братом впечатлениями о выставке я рассказал ему об удивительной встрече и спросил:

«Сказать Ирме?»

«Зачем?» – односложно спросил он с намёком на мою безнадёжную невежественность в вопросах житейской мудрости. Тем не менее, я воспринял такой ответ как рекомендацию и следовал ей до сих пор.

Скрыв от тебя моё первое посещение выставки, я в нарастающей толчее посетителей старался подвести тебя к наиболее значительным полотнам. Это была первая выставка, пробиравшая (увы, уже не первую) брешь*) изнутри в идеологическом щите, защищавшем нас от натурализма, сюрреализма и, в конечном счёте, от масскульта, который М. Горький справедливо называл коммерческим реализмом. Ты долго стояла перед панорамой Красной площади, заваленной портретами великих от князей-царей до членов политбюро, включая писателей и поэтов всех эпох. Тебе понравились и суровая «Лифтёрша», и жизнерадостный ветеран с гранёным стаканом в руке, сидящий у стола с предельно скромным «натюрмортом»: бутылка водки, хлеб с отрезанным ломтем и тщательно выписанный огурец. Эти картины, особенно «Будем здоровы», вызвали в тебе удовлетворённо-радостную улыбку, как при встрече со старыми хорошими знакомыми. У картины «Русская Венера» мы задержались недолго; она резко отличалась от Кустодиевской и была скорее подражанием французским импрессионистам, например Дега. К моему удивлению, она вызвала у тебя девичье-застенчивую улыбку скромности. Были на этой выставке и мужественные герои освободительных движений Латинской Америки, в том числе и женщины.

Но мы с тобой начали говорить о мужской мужественности, ни грана которой в виденных мной твоих избранниках я не увидел. Это обстоятельство видимо и привело тебя к разочарованию и скорому разрыву с ними. В самом деле, настоящее мужество заключается не в умении тщательно причёсываться и начищать до блеска штиблеты, а в умении плотничать, столярничать, в умении бегать на лыжах и коньках, ходить по горам, в умении управлять велосипедом, байдаркой, мотоциклом, яхтой.

Всеми этими умениями я обладаю в полной мере. Твои сетования в телефонном разговоре по поводу одиночных поездок на дачу и невнимание к твоим заботам молодого поколения «вновь пробудили давно угаснувшие чувства». Впрочем, они не гасли. Я помню тебя всю, помню роскошные бёдра, непомещающиеся в троллейбусе, твои нежные Леонардо да Винчевские руки, помню созвездие родинок над правой конической девичьей грудкой и удивительно женственный голос... помню сладость единственного поцелуя, который я выпросил у тебя и которым ты одарила меня.

Столь сильные по ощущениям поцелуи мне довелось ещё испытать всего лишь один раз. Первый из них я тоже испросил у неё. Я очень боюсь отказа. Поэтому только два раза я и просил об этом в своей жизни.

Впервые мы встретились в ресторане, куда я пришёл как-то случайно с моим другом-биополистом Николаем. Они были знакомы, но познакомились мы, кажется, без его помощи. Она, закулив сигарету, остановилась на лестнице и облокотилась одной рукой на перила. Одета в бархатное тёмно-малиновое платье, мягко лежащее на её бёдрах и слегка схваченное пояском на талии, она тут же привлекла моё внимание ослепительной красотой удивительно белого лица с яркими блестящими губами тёмно-вишнёвого цвета, какие бывают только у хохлушек.

Мягкая свободно драпирующаяся складка платья, проходящая через грудь от плеча к плечу, не могла скрыть того, что там должно было быть.

Я не помню, с какой пошлостью я обратился к ней, чтобы завязать знакомство, но она сочла необходимым объяснить мне, что находится здесь, в ресторане, с целью опеки над мужем своей подруги, которого она, т. е. её подруга, бросила и который как раз здесь сейчас переживает это трагичное обстоятельство. Прекрасный голос и грамотная свободная речь позволили мне сделать ей комплимент, на которые я, увы, отваживаюсь чрезвычайно редко. Уголки её губ были продолжением плавной дужки нижней губы, как у Рубенсовской «Камеристки», и поэтому никогда не опускались вниз, придавая лицу всегда приветливое выражение. Улыбка, с которой она сообщила мне, что она учительница русского языка, что это профессиональное качество, окончательно пленила меня, подтолкнув поведать ей, что моя мама тоже учительница русского языка и что какой это красивый язык и какие замечательные... Общность интересов была установлена и мы расстались.

Во время нашей беседы Николай, проходя мимо, остановился возле нас и, одобрительно улыбаясь, отрекомендовал меня Ирине. Поэтому, когда спустя день-два я зашёл к нему и увидел её там, – это не было неожиданностью.

Николай сунул нам в руки бутылку какого-то креплёного местного вина и, придвинув к дивану, на котором сидела Ирочка, какое-то подобие журнального столика, принёс и, ссылаясь на хозяйственные дела, поставил на него два стакана. Очевидно, он уже достаточно «наплёл» обо мне моей новой знакомой, потому что от разговоров о литературе и искусствах мы как-то быстро и очень естественно перешли к бедам отечественной науки и техники. Слово «деградация» тогда ещё не было в ходу, но, помнится, речь шла именно об этом с прослеживанием причин этого губительного, как выяснилось позднее, в целом для страны явления.

Стало смеркаться. Ирина поднялась. Дождавшись хозяина, мы простились с ним и вышли в осеннюю пасмурность. Она удивительно легко и незаметно подбирала ногу и я, осмелев, обнял её левой рукой за оказавшуюся неожиданно тонкой талию. По дороге она с той же заинтересованной оживлённостью продолжала начатую тему, изредка жестикуюлируя, подкрепляя своё искреннее возмущение несуразностями застоя и пустопорожней перестройкой, неспособных дать простор проявлениям ума творческих людей. Принимая это за комплимент, я взял её правую руку в свою и провёл её аккуратно подстриженными ноготками по своим губам.

Мы вошли в пешеходный переулок, который, как все наши тротуары, отличался вздыбленным весенними одуванчиками асфальтом и осенними лужицами. Увлечённая разговором, она не обращала на них ни малейшего внимания, полностью доверяясь мне. Чтобы принять вправо, достаточно было слегка нажать левой рукой на её крутое бедро, а чтобы перешагнуть асфальтовый торос, я приподнимал с небольшим движением вперёд её руку, остававшуюся в моей. Что было огромным удовольствием.

«Вы ... такой институт ... аспирантуру» – продолжала она, послушно и уверенно перешагнув вместе со мной очередную лужу. Вести её было таким же наслаждением, как управлять хорошо уцентрированной яхтой.

В переулке никого не было и неожиданно для самого себя я выпустил её руку, забежал вперёд и, просительно протянув к ней руки, произнес:

«Ирочка, мне очень хочется поцеловать вас».

Её прекрасные руки, скользнув по моим, поднялись к плечам и упали за шиворот. В порыве я обнял её, одной рукой чуть ниже талии, второй – несколько выше, и прижал к себе. От такого резкого движения капюшон её пальто съехал с её пышных волос, её полураскрытый в поощряющей улыбке рот приближался к моим просительно разомкнутым губам. За слегка дымчатыми розоватыми стёклами её очков блеснули в свете последнего луча закатного неба карие глаза. Наши губы встретились, сомкнулись и слились в поцелуе. Глаза её закрылись. Соприкоснувшиеся «носики-курносики» бесшумно и удивительно свободно вдыхали «свя-

ценную прану», губы застыли, как Роденовские изваяния, и только наши плотно прижавшиеся груди, несмотря на это, легко, абсолютно синхронно, с ритмичностью хронометра или морской волны то расширялись, то прижимались еще плотней. В застывшем безмолвии в нас вливалось блаженство. Мне непонятны бесплодные потуги Гете, который так и не смог произнести заветных слов: «Остановись, мгновенье: ты прекрасно!». Вот же оно! И следом за ней я закрыл глаза...

Почувствовав под рукой какое-то движение, какое делает женщина, вылезая из-под одеяла, я с сожалением открыл глаза. В переулочек вошла группа прохожих, подтверждая, что женщины способны видеть спиной, но оторваться не было сил, и только явственно услышав шаги и приближающиеся голоса, я, выпустив Ирину, отступил на шаг.

Уже совсем стемнело. Ирина сняла очки и, шагнув ко мне, пропуская прохожих, положила их в сумочку.

«Дело в том, – продолжал я нашу тему, – что еще в прошлом веке Гельвеций сказал, что только то общество будет процветать, в котором будут платить за ум. К нашему сожалению, такого общества на нашей милой планете еще не создано».

При выходе на освещенную улицу, она чинно взяла меня под руку, также чутко реагируя на движения моего локтя.

«Но как они этого не понимают... Только трудом талантливых производителей государства богатеет... За счет труда рабочих и ученых живем мы, учителя и ... Я это прекрасно осознаю... даже я. Неужели они не способны понять то, что понимал Пушкин»

Слева появился наш городской сквер, но на мое инстинктивное движение локтя влево она не ответила привычным послушанием.

«Нет, дальше; я знаю место» – не отвлекаясь от темы быстро произнесла Ирина, продолжая развивать идеи Гельвеция и Адама Смита.

Поравнявшись с забором, огораживавшим строительство роддома (классический долгострой эпохи поздней перестройки) мы вошли в ворота. Внутри под огромной акацией, торчащей из груды строительного мусора, стояла скамья, явно собственность городского сквера.

Мы сели, обняв, я привлек её к себе и прильнул к её губам... Но теперь... Её губы металась вдоль моих; извиваясь, она вползала мне на колени... Точь-в-точь, как в любовных рубаи Омара Хайяма; помнишь, ты увлекалась ими:

«Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой – мой хлеб и бальзам.
Губы пылкой влюблённой – винного цвета,
Буйство страсти подобно её волосам.»

Когда мы закурили, она как ни в чем не бывало продолжала с удивительной последовательностью и логичностью уличать общество в несовершенстве, доказывая необходимость перемен в пользу неординарных людей. В знак одобрения я целовал её руку, мочку уха, что не осталось без ответа.

С неизведанной мною дотоль страстью она набросилась на меня, все повторилось вновь на столь высоком уровне, что я забыл о блаженстве того Роденовского поцелуя.

Наши встречи продолжались... Раза два я заманил её к себе... Каждый раз встречи проходили по-новому...

Вернувшись из Евпатории, – мой родной профсоюз выделил мне 20%-ную путевку в санаторий, – я тут же позвонил ей. Ирочка сообщила мне, что выходит замуж и уезжает с мужем на Камчатку, где он служит. Ошеломленный я едва спросил что-то о правильности такого решения и в ответ услышал твердое «Да». Совсем как в нашей студенческой песенке. Помнишь, мы пели на наших студенческих вечеринках:

С лейтенантом юным
С полпути сбежала;
Он теперь, наверно, – генерал.

Нет, он на две ступеньки ближе к генералу: капитан каких-то геодезических инженерных войск. А ты, Ирма, могла бы сделать меня генералом от науки? Для этого у тебя несомненно есть все данные.

– //– //– //– //– //– //– //– //– //– //– //– //–

Осталось приписать «Вечно твой...»
и отправить. Но это почему-то
не было сделано.

10.01.01 г.

* В действительности это была не первая брешь. Их начали делать гораздо раньше. Кто? Не буду делать из этого секретов. Например, Юрий Петрович Любимов, организовавший глупейший театр на таганке и привлечший в него такого же подонка как и он сам Высоцкого. Можно назвать и многих других отщепенцев, подвизающихся на ниве искусства. Удивительно, как их не разглядел Суслов; видимо, нюх потерял. Этого бы не допустил достойный замечательный грек А А Жданов.

Сейчас Любимов этого и не скрывает. По случаю своего 90-летия в интервью с радиожурналистом он откровенно заявил: «Мой отец был богатым, но, уехав за границу, он не взял нас, думая, что коммунизм долго не продержится, скоро кончится; а этот коммунизм проторчал целых 75 лет».

Этой фразой этот служитель Муз полностью выдаёт себя. А именно в том, что он служил не Музам, а своим мстительным замыслам. Для чего при постановке «Горе от ума» он извратил авторское звучание этой прекрасной пьесы. Исполняя в ней роль Фамусова, он приложил всё своё актёрское мастерство, чтобы перевести этого героя в ранг положительного. И именно он использовал недалёкого (чванливого и амбициозного) Высоцкого в своих коварных замыслах.

Прим: какое-то время идеологией командовал и Епишев.

Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!

И далее И. А. Крылов приводит убедительный «пример тому из дальних стран». (Мне известны два способа ловли обезьян, основанные на их – обезьян – менталитете; один из них и описал Крылов в упомянутой выше басне). Увы, русские забыли дедушку Крылова и жадно всё перенимают из известной дальней страны себе на погибель. Показательный образец такого обезьянничанья есть «Радио России». В своё время мы смеялись над их рекламным творчеством; сейчас мы в этом искусстве намного превзошли их; и, как это ни странно и ни прискорбно, благодаря нашему высочайшему социалистическому искусству, его методике, основанной на системе великого Станиславского, которая может послужить и при создании методологии творчества (любого!), зачатки которого также были заложены в великой, увы, ныне разрушенной цивилизации ушедшего века.

Достаточно внимательно просмотреть рекламные газетёнки, которые бросают в почтовые ящики (бесплатно!) нищим россиянам от Нижнего Новгорода (где это делает моя жена) до Таганрога (где это делает уважаемая дама в кожаной тужурке), прослушать, хотя бы в течение 2-х дней «Радио России», чтобы понять, что эта страна сошла с ума, а далее остаётся лишь выяснить, **кто, зачем и как** толкнул её на этот губительный путь.

От легенды к реальности

Городу Таганрогу крупно повезло: он удостоен посещения знаменитыми представителями средиземноморской расы. Среди них народный герой Италии Гарибальди, наследники Античной Греции, подарившие нашему городу великолепные архитектурные образцы Древней Эллады, наши современники политэмигранты бойцы антифашистского фронта маленькой гордой Греции и, наконец, человек-легенда Р. Л. Бартини.

Романическое происхождение, бурное детство, полная приключений юность, ... все это подталкивает к мифотворчеству. В серии прекрасных статей в «Таганрогской правде» об этом выдающемся авиа-конструкторе периода наивысшего развития нашей страны Валерий Кондаков пишет: «Кое-кто его уже причисляет к посланцам внеземных цивилизаций». Нам же представляется более предпочтительным стремление оттенить в первую очередь все человеческое, а не пугать читателей шестимерным пространством и акцентировать внимание на кресле на колесиках. Поэтому спешим успокоить таганрожцев: мы по-прежнему находимся в старом добром трехмерном пространстве, наш город имеет в высоту 30... 60 м и примерно по 12 км в длину и ширину. Также следует сказать, что методика научного исследования разного рода явлений при помощи математического аппарата n -мерного (многомерного) пространства разработана математиками, скорее всего, без участия Р. Л. Бартини. Но, несомненно, он был достаточно осведомлен об этих работах и умел пользоваться ими. Что касается кресел на колесиках, то бочкообразные ролики применялись для ножек роялей и кроватей еще в прошлом веке. Особенностью же упомянутой конструкции являются увеличенный диаметр ролика, уменьшенная кривизна бочкообразности с целью приближения точечного контакта к линейному и изящный, но прочный корпус.

Лучшим подтверждением нашей памяти и уважения к гению авиации будет стремление стать его наследниками, учениками, для чего необходимо в полной мере осознать составляющие его плодотворной научно-технической деятельности, главные из которых позволено выделить еще раз. Это умение видеть цель и идти к ней из разных направлений n -мерного пространства, доверительное отношение к «чужим» идеям и изобретениям и, как следствие, их смелое использование, отсутствие боязни нового («...никогда не стоял на позиции «сделай так, как было»» – В. К.), высокая инженерная грамотность и культура.

И все же он был земным человеком, не лишенным недостатков, которых желательно избегать его ученикам. Как и другой всемирноизвестный представитель средиземноморской расы К. П. Брюллов, он не умел кончать, увлекаясь новой темой. Вот как говорит Т. Г. Шевченко о своем освободителе и учителе: «Карл Павлович тоже картин не кончает. Так легко начинает, набрасывает... Кажется, уже все сделано, а не может кончить.» (Виктор Шкловский, «Федотов», серия ЖЗЛ). Действительно, если присмотреться к картине «Вирсавия», хранящейся в Третьяковской галерее, можно увидеть тщательно выписанные ногти ног и недорисованные пальцы рук растягивающие ожерелье в волосах.

Блистательный скачок скорости в 100 км/час, благодаря продуманному применению уже известных к тому времени технических решений в проекте «Сталь-6» и неоконченный проект ВВА-14, в котором столь же блистательно сочетались известные и собственные оригинальные технические решения, подтвердившиеся при полетных испытаниях этой выдающейся машины.

Сообщение в статье «Вертикальный взлет» о том, что в конце 1997 года фюзеляжный остов был порезан окончательно и продан на металлолом, вызвало естественное чувство горечи. Этому уникальному творению вполне уместно возвышаться на пьедестале в центре заводской площади или даже какой-нибудь городской площади, что было бы выражением нашей признательности и внимания к человеческому таланту. К счастью, мне довелось видеть это изумительное произведение инженерной мысли, лежащее в зарослях степного разнотра-

вья. Бродить там, вдыхая творческий аромат Великого Итальянца, было удовольствием. Здесь находились и подтверждения, и подсказки к формированию новых представлений о гидро-самолете для обслуживания местных авиалиний регионов богатых островами и протяженной береговой линией с удобными естественными бухтами, лагунами и искусственными гаванями.

С учетом богатого наследия ТАНТК им. Г. М. Бериева можно среди новых подходов обозначить такие как крыло «парасолька» с небольшой обратной стреловидностью, что обеспечивает удобство швартовки и остойчивость в воздухе, схема «утка», продольная устойчивость, гондола с катамаранным днищем, остойчивость на воде. В настоящее время катамаранный принцип широко используется в судах водоизмещающего и глиссирующего типов. Переход в спортивных скутерах к катамаранной схеме позволил превысить скорость в 200 км/час. Все эти решения, в общем-то, известны. К этому можно добавить и складывающиеся крылья. Следовательно, задача заключается в их согласованном сочетании, чему нам и надлежит поучиться у Роберта Людовиговича Бартини.

Надеемся, что «Таганрогская правда» будет и дальше стараться удовлетворять интерес таганрожцев к великим личностям, которые жили и работали в нашем славном городе.

Прим. Статья в очень сокращенном и измененном виде, лишенном содержательности и полемичности была опубликована в «ТП» 13 января 1998 г..

В настоящее время развитие гидроавиации испытывает некоторый застой, связанный с отсутствием новых подходов к решению стоящих перед ней задач. Новые подходы могут быть найдены при изучении наследия Р. Л. Бартини. Как мне доложили, второй экземпляр оригинальной машины ВВА-14 находится в музее авиации в Москве (кажется, в Жуковском). В Москве же в Музее Истории Авиации на ул. Радио находятся рукописи Р. Л. Бартини научно-философского содержания, которые он завещал прочесть своим потомкам через 300 лет. Из чего можно заключить, что Красный Барон предполагал наступление чудовищной деградации, которая поразит наше общество. Что мы сейчас и наблюдаем.

Деревня Афоново

Снова после долгих лет я иду по прекрасному славному Подмосковию, где я провёл прекрасные годы молодого специалиста. На электричке проехал знаменитые, памятные «Турист», «Яхрому», затем на автобусе и теперь иду по новым совершенно неизвестным местам уже за пределами Московской области. На удивительно низком для южанина небе плывут серые облака, открывая сверху нежную синеву, а у горизонта бирюзовую прозрачность северного ландшафта.

Здесь я впервые, но иду уверенно, руководствуясь инструкцией, данной мне братом. Хотя мы оба конструкторы и в своё время баловались и акварелькой, описания маршрутов мы почему-то делаем только словесные, не прибегая к рисунку. Дорога цвета светлой охры огибаёт выпуклое ржаное поле. Конические сизые стебли вымахали в рост человека; на них торчали усадые наливающиеся колосья. В детстве я любил срывать колосок и, растерев в ладонях, жевать зёрнышки молочной спелости. Но сейчас в руке саквож, который «90 процентов наших доцентов» называют «портфель», и лень взбираться, хотя покатая серая «приступка», отделяющая дорогу от поля и изрытая коричневыми микроовражками всего в полметра высоты.

Вот из-за поворота показалась и деревня. В полном соответствии с описанием брата: справа – одиночная изба, влево отходит ряд из 4-х усадеб (вторая – «имение» моего брата) от этого ряда под углом – улица из десятка одинаковых изб. Подхожу ближе и уже можно различить сруб в 3 венца и брата, прилаживающего новое бревно в 4-й венец. В огороде копошится его новая жена.

– Тань, накрывай на стол: Алька идёт! – кричит ей брат.

– Привет, Алик. Как добрался, не заблудился? – здоровается Татьяна, проходя в соседнюю избу.

– Конечно нет, по инструкции твоего Валентина никак нельзя заблудиться.

– Ну, здравствуй, Аля.

– Здравствуй, Валя.

Мы обнимаемся.

– И как тебе Москва?

– Да ты сначала покажи своё имение.

– Ах, да, конечно; пойдём.

– В Москве то же самое, что и везде, – начинаю я после осмотра замечательной усадьбы и заложенного дома – те же новомодные киоски, лавки с крикливыми названиями, завалы разномастной, с позволения сказать «прессы», книжные лотки, яркие красочные обложки, упаковки и ... отсутствие покупателей. И тот же, уже старомодный, мусор и колдобины на дорогах и тротуарах.

– А зато какие иномарки появились! И сколько их развелось. Ты только посмотри!

– Ой, Валя, да какой тебе прок от этих иномарок? У тебя-то – рыжий, старый «жигулёнок» вместо палевой «Лады».

– Так это же несчастный случай, ты же знаешь: устроил мне зятёк – сгорел в гараже вместе с белой «Ладой».

– Знаю. Но эту новую «Ладу» ты приобрёл ещё *тогда*, в той жизни всего через 7 лет после покупки зелёных, тоже новых, «Жигулей». А сейчас?

– В чём-то ты прав. Теперь буду покупать «Ниву».

– Тоже подержанную?

– Ато какую-же?!

– Что вы там всё спорите? Идите скорее: щи стынут.

Мы входим.

– Вы что? Всегда так спорите? – возмущённо обратилась к нам Татьяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.